В Издательстве «Наука» в 1974 году выходит книга В. А. Никонова «Имя и общество». Несколько глав в ней посвящено русским фамилиям, их семантике и происхождению, формам и географии. Предлагаем читателям статью по материалам этой книги.

ЧТО ЗНАЧИЛИ РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Каких фамилий только нет:
Пятеркин, Двойкин, Супов,
Слюнтяев, Тряпкин-Самоед,
Пупков и Перепупов!
В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,
Зверей и насекомых...

Михалков.
Смешная фамилия

Повторяя распространенное мнение, польская антропонимистка М. Каминская утверждает: «Каждое нарицательное слово могло стать фамилией». Для моего «Опыта словаря русских фамилий» («Этимология. 1970», М., 1972) собраны больше 100 тысяч фамилий, но нет ни одной от таких слов, как *окно, лампа, луна* (Лунин — от *лунь*). Семантика фамилий не так разнородна, как кажется. Но анализ ее очень труден.

Сначала о малых трудностях. За 2—3 сотни лет своего существования русские фамилии успели измениться и стали непохожими на те слова, от которых произошли. Фамилия Вишняков не связана с вишней: первоначально *вешняков* — сын вешняка, уходившего весной в море на рыбный промысел. Так и Дорожкин: не от *дорожка,* а из прилагательного *дорошкин,* то есть сын Дорошки (из личного имени Дорофей, как Тимофей — Тимошка, Ерофей — Ерошка). И Мамонтов — не потому, что его предок охотился на мамонтов или был похож на мамонта, а от личного имени Мэмонт, которое еще в начале прошлого столетия было не единичным у русских крестьян. В документах встречаем фамилии Страханцев (из Астраханцев), Сенофонов (из Ксенофонтов) и т. п. Мужское имя Евстафий породило несколько десятков фамилий: Астафьев, Остапкин, Стафеев, Стахеев и многие другие.

Изменялись или даже исче-

зали слова, от которых образованы фамилии. Теперь уж нет слова *бёрсень* 'крыжовник', но живет фамилия Берсенев. Фамилия Волокитин вызывает ассоциацию с бюрократической волокитой, но еще в начале нашего столетия *волокита* — 'любитель ухаживать за женщинами'; фамилия же возникла из более раннего слова *волокитин* — 'сын волокиты', то есть работника, волочащего борону. Первый Анохин — анохин сын (или внук); Аноха — производная форма от имени Ануфрий, но та же форма стала прозвищем *аноха* 'простофиля', и нельзя решить, возникло ли отчество из имени или из прозвища.

Но даже все такие трудности, знакомые и при анализе нарицательных слов, малы по сравнению с особыми трудностями, которые возникают при этимологическом анализе русских фамилий. Казалось бы, русские фамилии этимологически доступны: ведь они почти все не старше 200—300 лет. Но именно кажущаяся простота всего опасней для науки. Соблазняя не только любителей, но и серьезных ученых, она уводит на ложный путь.

Даже берущимся писать о русских фамилиях кажется, будто фамилии Зайцев, Мухин, Князев образованы от слов *заяц, муха, князь*. За анализ фамилии выдают школьническую сортировку их «по животным», «по насекомым», «по сословиям». Но каково на самом деле этимологическое значение фамилии Зайцев? Был ли предок Зайцевых охотником за зайцами, любил ли зайчатину или казался похожим на зайца? Нет. Первый Зайцев — действительно еще зайцев, то есть сын Зайца — человека с именем Заяц. Даже в тех немногих документах XV—XVII веков, которые использованы в замечательном «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, оказалось 34 Зайца. Притяжательное прилагательное *зайцев* (чей сын) служило отчеством (как *кузнецов*) и позже, закрепясь, превратилось в фамилию. От нарицательного *заяц* фамилию отделяют несколько звеньев: *Зайцев* — от *зайцев*, которое от *Заяц*, которое от *заяц*, которое от *заити* 'прыгать', которое... и так до «самого первого слова».

Перепрыгивать через этимологические ступени — значит извращать истину, подставляя вместо подлинного этимологического значения другое, совсем не идущее к делу. В таком случае фамилию Петров надо относить в рубрику «по неживой природе», потому что в греческом языке имя Петр означало 'скала, камень'. Уж если к анализу фамилии Зайцев притягивать ее «предка» в четвертом колене, то почему же выхватывать именно это звено, а не брать дальше? Ведь, слово *заяц* появилось тоже не из ничего. Спорность такого ложного анализа фамилии Зайцев очевидна. В подлинной семантической классификации место фамилии Зайцев не в группе «по прыжкам» и не в группе «по жи-

вотным», а в группе патронимических, вместе с фамилиями Иванов, Мухин, Телегин, Кузнецов, Казанцев, Пупков и другими. Они возникли из отчеств, отвечающих на вопрос *чей?* — Иванов, Пупков (сын Ивана, сын Пупка).

Еще К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики» заметил удивительное явление: от нарицательных *телега, ворона* нет притяжательных *телегин, воронов* — откуда же взялись фамилии Телегин, Воронин? Это тонкое наблюдение прошло незамеченным тогда, да и сам автор еще не мог интерпретировать его правильно. Увы, оно непонятно многим, пишущим у нас о фамилиях и поныне. Суть в том, что фамилии Телегин, Воронин и подобные произошли не от нарицательных *телега, ворона* (от которых не могли образоваться притяжательные прилагательные), а из отчеств Телегин, Воронин (сын Телеги, сын Вороны).

Так и фамилии Кузнецов, Столяров, Ткачев — не «по занятиям», как и Казанцев, Сибиряков, Москвичев — не «по местности». Единственное значение этих фамилий — они патронимичны. Отчество возникало из наименования отца или деда — по прозвищу, занятию, месту прежнего жительства, церковному или нецерковному имени. Г. Я. Симина в блестящем исследовании о фамилиях на Пинеге показала, что там, на Севере, фамилии возникали из «второго отчества». Гораздо реже фамилии по наименованиям матери (Авдотьин, Просвирнин); ошибочно видеть в них обозначения непременно внебрачных детей, чаще так именовали детей вдовы или солдатки, на плечи которой легло тяжелое крестьянское хозяйство. Фамилии по модели Андревнин доказывают это: женщину, прижившую внебрачного ребенка, не могли в старой деревне называть уважительно по отчеству. У многих фамилий женская основа только мнима, например Попадьин: в документах XVI—XVII веков нередко мужское нецерковное имя или прозвище — Василий Попадья, Ивашко Попадья. М. Фасмер ошибочно в число фамилий от слов, обозначавших женщин, включал фамилии Чешихин, Ветрихин; мужские прозвища (или имена) Чешиха, Ветриха хорошо известны по документам.

Фамилии другого семантического типа указывают не на предка, а на владельца: Князев, Княгинин, Графов. Сын князя тоже князь, его не могли называть князевым; князев — крепостной, принадлежащий князю. Это еще ясней в фамилии Владыкин: владыка — архиерей, а архиерей принадлежал к монашеству, он не имел права жениться. *Владыкин* могло обозначать только крепостного, принадлежащего архиерейскому дому. Есть и фамилия Архиереев, но не исключено ее происхождение из прозвища, как и фамилии Царев, которая могло означать крепостного удельного ведомства или даже государственного крестьянина, в противопо-

ложность помещичьему, а могла означать и детей бедняка с прозвищем *царь* (и Князев). Кроме юридической собственности, в фамилиях отразились и отношения найма: фамилия Попов, вероятно, чаще возникала из 'попов работник', чем из 'попов сын' (по подсчетам Б. Г. Унбегауна эта фамилия входила в десяток самых частых).

Иные семантические типы русских фамилий очень пестры, но и вместе взятые они охватывают меньше 2—3 процентов. Среди них — указывающие на местность (Казанский, но не Казанцев); фамилии духовенства по названиям церквей; архаичные фамилии в форме качественных прилагательных — Нагой, Толстой (характерно прежнее место ударения; вне фамилии ударение переместилось).

Некоторые фамилии подчеркнуто идеологичны. Много таких придумывали архиереи, «офамиливая» будущих священников, которым нельзя было сохранять прежнюю фамилию, скажем, Собакин, а то и хуже. Так рождались «украшающие» фамилии Добронравов, Беневоленский, Алмазов. Идеологичны фамилии Солнцев, Светов, они не патронимичны и не принадлежностны: носитель такой фамилии не сын солнца или света, не владел ими и не принадлежал им. Идеологические фамилии часты в наше время. Немало фамилий, семантика которых не разгадана, хотя лексические значения их основ ясны (Двойкин).

Когда фамилия установилась как антропонимическая категория, стало возможно создание фамилий «искусственно», как сознательный акт, подобно выбору псевдонима. При этом возникают такие фамилии, как Электринцев (в Подбельском районе Куйбышевской области), которые внешне копируют преобладающую модель фамилий, но не выражают никакого значения, кроме отвлеченной ассоциации со значением, выраженным основой (по строению это 'сын электринца' или в этом роде, то есть явная бессмыслица).

Оставляя в стороне фамилии, взятые готовыми из других языков (Гоголь — украинская, Глинка — белорусская, Блок — немецкая), и некоторые мелкие семантические группы, важно подчеркнуть главное: за семантику фамилий никоим образом нельзя выдавать лексические значения их основ.

Лексические значения основ тоже ценны. Иногда только в фамилии сохраняется старинное слово, которое нигде не записано и в диалектах не уцелело. Это драгоценно для исторической лексикологии, а не для семантики фамилий. Важно исследовать прозвища, которые отражены в фамилиях, но это — изучение прозвищ, а не фамилий. Совсем другая задача!

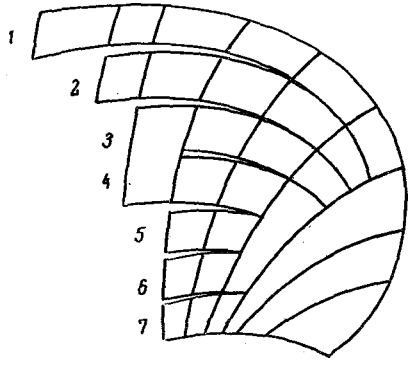
В некоторых случаях для изучения фамилий полезны и лексические значения их основ. В. Ф. Барашков (Ульяновск) на материале Среднего Поволжья заметил, что процент фамилий, образованных от церковных имен, выше там, где русское заселение было позже, то есть лексические значения основ следует изучать, но это — не значения фамилий. Подменять одно другим, как видим, бесперспективно.

На одном совещании занимающихся изучением фамилий откровенная участница воскликнула: «Как было просто: Зайцев — по животным, Попов — по занятиям! А теперь разбирайся — был ли первый Попов поповым сыном или поповым работником? Да разве это можно!».

Верно сказано!? Конечно, несравнимо легче сортировать фамилии по лексическим группам их основ. Но наука только тогда наука, когда решает новые задачи, которым нет готовых ответов.

В. А. НИКОНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РУСИСТИКА



Слова, найденные вами, должны иметь общий старинный суффикс тюркского происхождения: 1. Старший псарь на охоте, 2. В XVI—XVII веках лицо, несшее хозяйственные обязанности при дворе; в XIX веке — чиновник по судебному надзору. 3. Рулевой, мудрый руководитель. 4. Боярин, ведавший царским столом. 5. Лицо, ведавшее псовой охотой. 6. Певец церковного хора, 7. Современное высокое наименование архитектора и строителя.

Ответы на стр. 111

Игру-задачу составила
Л. П. Жуковская